

ТРОЕ ИЗ ЖАНА-ПАРИЖА

Айгуль Клиновская

16+

Айгуль Клиновская

Трое из Жана-Парижа

«Автор»

2022

Клиновская А.

Трое из Жана-Парижа / А. Клиновская — «Автор», 2022

1991 год. Маленький горняцкий город, затерянный в степях южного Казахстана. Трое школьных друзей готовятся к выпускному. Талоны на ткань, разборки «стенка на стенку», группа «Каролина» и мечты о восхитительном завтра. Ольга уезжает в Кузбасс, Айшу ждет Украина, Андрей пакует чемоданы в Германию. Через 25 лет они увидятся снова на встрече выпускников в городе своей юности. Новые ответы на старые вопросы, очередной жизненный виток... Куда теперь?

© Клиновская А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1	6
1.	7
2.	10
3.	13
4.	17
5.	20
6.	23
7.	27
8.	31
9.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Айгуль Клиновская

Трое из Жана-Парижа

Старые письма. Опавшая листва ушедшего столетия, даже тысячелетия.

Жухлые страницы, ломкие края. Хранители голосов, мыслей и давно утраченного тепла, которым навеки окутано прошлое.

Куцые, написанные второпях на коленке. Они выскальзывали из почтового ящика прямоком в нетерпеливые руки.

Длинные и обстоятельные, на пять-шесть страниц. Эти делали конверт неприлично пухлым и обещали увлекательное чтение.

#

Буквы, как и их хозяева, разноликие. Мелкий бисер усыпает вырванный из тетради листок, теснится и соскальзывает за края.

Размашистые буквы-гренадеры маршируют стройным шагом по разлинованному бумажному простору.

Круглые, как валуны в горной речке, буквы катятся, подпрыгивают, подгоняют друг друга выпуклыми боками.

#

А за буквами рядами – люди.

В первом те, кто ушел и оставил немного себя, юного и чуточку бестолкового, на потертых страницах. Можно коснуться их, покинувших настоящее, кончиками пальцев. Они там, по ту сторону букв.

Вслед за ними – живые, повзрослевшие, отягощенные грузом лет и километрами расстояний, несбывшимися надеждами и утраченными иллюзиями. Они уже и не помнят, какими остались в письмах.

#

И те, и другие были девчонками с сахарными начесами, обесцвеченными челками и серебристыми тенями на веках. Мальчишками – с гитарами, запасом разбивающих сердца песен и дерзким прищуром глаз.

#

Одно общее есть у всех.

Город, в котором выросли.

Кто-то здесь же родился и огласил победным криком прилегающее к родному озеро.

Кого-то доставили младенцем, туго обернутым в кокон байкового одеяла.

Кто-то появился угрюмым подростком, и город принял в свои знойные, припорошенные пылью объятия.

#

И покатилась жизнь, как перекасти-поле по бескрайней степи...

Часть 1

*Когда бездумно пророчит лето,
А человеку – шестнадцать лет,
И столько веры в свои победы
И в то, что Бога на свете нет!
И вечер теплый, и ветер южный,
И окрыляет избыток сил,
И очень важно, и очень нужно,
Чтоб кто-то бережно объяснил,
Что жизнь проходит, меняет краски,
То зацелует, то отомстит,
Не все то горе, что нету счастья,
Не все то золото, что блестит,
Что в мире много таких вопросов,
Где не ответить начистоту,
Что резать вены – еще не способ
Свою доказывать правоту.
Екатерина Горбовская*

1.

Эмигрант, модельер, космонавт

– А я вчера мышей убила половником.

– И это говорит человек, который мечтает стать знаменитым модельером! – гыгыкнул Андрей.

– А что мне было делать? Выхожу на балкон, а они шуршат в пакете с сухарями, – Ольга развела руками, ничуть не раскаиваясь.

– Представляю, как ты метнулась за половником и пошла крушить их, как Рэмбо.

– А ты бы их обогрел, накормил и усыновил?

Айшә слушала и представляла пакет с кроваво-хлебным месивом, последнее пристанище несчастных мышей. Дернула плечами от отвращения.

– Спасибо, теперь точно на ночь есть не буду.

Они сидели на скамейке возле дома. К городу подкрадывались сумерки и вытесняли дневную одуряющую жару. Листья карагачей, мелкие и клейкие от зноя, поблескивали под лучами угасающего солнца. Еще один летний день клонился к закату. Атмосферу то и дело прорезывали звонкие крики – мальчишки играли в казаков-разбойников. Пыль, вечное покрывало города, стояла мелкой взвесью в воздухе, и едва успевала прилечь, как ее снова вздымали неугомонные детские ноги. Девчонки помладше сосредоточенно плели узоры из длинной резинки, прыгали на ней по очереди, трясая хвостиками и косичками. Из распахнутых настежь окон доносилась какофония телевизоров, обрывки разговоров и звонкое постукивание поварешек о края разнокалиберных кастрюль. Кто-то курил в окно, кто-то поливал палисадник из шланга, иногда обдавая самых шумных казаков и разбойников.

– Бабушка уже вызов и номер получила. Осталось съездить в Москву, забронировать место в самолете, оформить визу. И все, гудбай, СССР. А следом и мы с мамой. – Андрюха вскочил, делая вид, что уходит. Картинно помахал рукой и засеменил Чарли Чаплином.

Тающее солнце через сито листвы скользнуло отблеском по его темной стриженной голове. Худой, с черными бровями и неожиданным азиатским разрезом глаз, он никак не вязался с образом истинного арийца.

– Фонпанбек, останься! – рассмеялись девчонки.

И он вернулся к скамейке, плюхнулся рядом. Толкнул Айшу в бок.

– Не хотите, чтобы я уезжал, так и скажите.

Наклонился и привычно пошарил по земле, отыскивая нужный по форме и размеру камешек. Нагретый за день голыш лег в руку. Заскользил меж пальцев, перекатился, подлетел вверх, словом, заслужил неслыханное приключение в отличие от других каменных собратьев.

Мама у него действительно была немка. Папа – наполовину поляк, наполовину казах. Вот и получился Андрюха – и фон, и пан, и бек.

В июне 1991 года эту троицу, да и всех остальных горожан, национальный вопрос не волновал. Скорее, вызывал любопытство, сколько и каких кровей у кого намешано. Потому что в крохотном городке, как в казане, варился самый разношерстный люд со всех концов Советского Союза.

Поначалу в голой степи появился поселок, потому как скрывались тут несметные залежи полезных ископаемых. Так и возникла на карте малюсенькая точка с гордым названием Жана-тас, в переводе с казахского «новый камень». И закипела работа, с размахом развернулись и добыча фосфоритной руды, и строительство домов. Всезнающий Андрей вещал, что по объему

добычи их город на втором месте в Советском Союзе. Правда, на вопрос, кто на первом, ответить затруднился. Еще он утверждал, что на генеральном плане застройки есть даже аэропорт. Девчонки верили слабо, но с восторгом гадали, в каком уголке Жана-Парижа – так местные с любовью называли Жанатас – его могут построить.

Город рос. Народ тянулся сюда по разным причинам: кто за длинным рублем, кто по комсомольской путевке, кто с гитарой наперевес навстречу романтике. Свою лепту внесли и зэки, чья колония-поселение находилась тут же. Олина тетя преподавала им биологию. Этот факт воспринимался актом неизмеримого героизма. Шутка ли, входить по доброй воле в логово тигров с одной лишь указкой.

– Повезло, что тетя раздобыла польский трикотаж. Уже дошиваю свое маленькое черное платье. Осталось решить, где будет молния, на спине или сбоку.

Невысокая, компактная Ольга могла позволить себе любой фасон. Она и сейчас была в мини-юбке в обтяжку и топике с тонкими лямками. Крепкое, налитое тело, с задорными яблочками груди, без единого изъяна. Хотя сама Ольга считала ноги коротковатыми, о чем не уставала говорить, желая, чтобы ее непременно убедили в обратном.

– Тебе пойдет. Мое тоже почти готово, последняя примерка осталась. Все, как хотела. Широкий пояс, пышная юбка, рукава фонариком.

Айша, в отличие от подружки, короткое позволить не могла – истово считала себя толстой. Она не осознавала, что пухлость ее, скорее, милая, чем отталкивающая. Любуясь Олей, в себе ничего выдающегося не находила. Волосы как волосы – темно-каштановые, разве что длинные и волнистые. Глаза как глаза – разрез таков, что на фотографиях выходил несколько сонный вид. Если подвести карандашом, то казались больше и ярче. Беда в том, что краситься Айша не любила. Искренне считала суету вокруг внешности пустой тратой времени.

Неподалеку раздался причудливый, едва слышный свист.

– Все, я пошел, а то дойдете до обсуждения нижнего белья.

Андрей встал, отбросил камешек. Махнув на прощание рукой, растворился в летних сумерках, фиолетовых и легких, как смородиновый компот.

– Слышала? – Ольга мотнула головой в ту сторону, куда ушел Фонпанбек. – Это КПА-шники. Они постоянно его высвистывают под окнами.

Андрей и Ольга жили в одном подъезде – том самом, возле которого они и сидели, уже свободные от экзаменов в предвкушении выпускного. Айша обитала в соседнем доме. Учились тоже вместе. Правда, Андрей присоединился к ним только в седьмом классе. Девчонки до третьего класса посещали школу имени Мухтара Ауэзова, что стояла неподалеку, в пяти минутах ходьбы, после перешли в другую – имени 60-летия Октябрьской революции. Так длинно, конечно, никто не произносил, говорили коротко: «Шесятлет». Вышагивать пришлось дальше, но что поделаешь. Так и доучились до одиннадцатого класса.

– Я поняла, что бездарь. Не выйдет из меня модельера.

Оля зашагала взад-вперед, готовая парировать успокаивающие слова Айши. Та молчала, потому что слышала это уже не раз.

– Я сегодня шла из художественной школы, встретила Эдика. Помнишь, я про него рассказывала? Сын дяди Пети Захарова, папиного коллеги.

– Помню.

– Показала ему рисунки, он поржал.

Да, это было серьезной реакцией профессионала. Парень недавно пришел из армии и собирался не абы куда, а в Московское художественное училище. Неоспоримый факт, что чело-

век талантлив. Даже если не поступит, в умах земляков навеки останется тем, кто поехал попытать счастья в самой столице.

– Я не умею рисовать. Это все мама: «Хочешь стать модельером – иди на живопись».

– Правильно же говорит.

– Да ну вас.

– А чего ты ждала?

Ольга присела, закинула ногу на ногу. Поболтала в воздухе матерчатой тапочкой, собственноручно расшитой затейливым бисерным узором.

– А тебе не страшно так далеко уезжать? – проигнорировав вопрос, задала встречный.

– Чего бояться, одна же страна. Не просто так в газете объявление попало об этом украинском институте. Буду переводчиком.

Ольга покачала головой:

– Чует мое сердце – застрянешь ты там. Галушки, борщ и какой-нибудь гарный хлопец не оставят тебе выбора. Только не выходи за рыжего или дурака. Так папа говорил.

Айша хохотнула и поднялась. Провела руками по округлым бокам.

– Да я сама как галушка. Так и не похудела к выпускному.

Мимо с оглушительными воплями пронеслась ватага мальчишек. Ольга неодобрительно цыкнула им вслед.

– А как ты думаешь, где и кем мы будем в двухтысячном году? – она молниеносно переключилась на другую тему. – Ты понимаешь, подружка, что мы счастливички? Перейдем из одного столетия в следующее. Да что там столетие, в следующее тысячелетие шагнем!

– Ты станешь знаменитым модельером, я буду приезжать на твои показы с международными делегациями. Познакомим наших мужей и задружим семьями, – Айша уверенно обрисовала перспективы.

– А Фонпанбек превратится в толстого бюргера, и все станут называть его херр Юрковский! – подхватила Ольга фантазии об ослепительном будущем.

Звонкий хохот огласил двор, влетая в распахнутые окна еще одним звуком мелодии летнего вечера...

– Пойду я, – кое-как отсмеявшись, проговорила Айша.

Обнялись, расцеловались, и она побрела к своему дому.

– Напомни, кем ты хотела в детстве стать?

Она обернулась. Ольга стояла на пороге подъезда, придерживая открытую дверь коленом.

– Космонавтом, – ответила Айша приглушенно.

– Кем?

– Иди в баню! Не буду я кричать на весь двор!

– Вечером позвоню, скажешь. А то не усну от любопытства, – Оля послала ей воздушный поцелуй и скрылась за дверью.

2.

Судьбоносные баранки

Андрей не хотел ехать в Германию, ему и здесь было хорошо. Далекая страна казалась чужой и до противности прилизанной, несмотря на все домыслы, как сытно там живется. А он не мыслил себя отдельно от гор, в которых каждый день открывал что-то новое. Однажды в походе за грибами они с пацанами нашли обглоданный кем-то продолговатый череп, долго рассматривали его и гадали, какой масти был павший конь и от чего он погиб. Весной охапками собирали подснежники, ирисы, тюльпаны и тащили мамам или девчонкам, смущаясь и подсмеиваясь друг над другом. На пологих склонах запускали бумажного змея. Бечевка трепетала в зажатом кулаке, а в небе реял змей с длинным цветастым хвостом, желая немедленно сорваться и удрать из цепких рук. Устав от беготни, сидели и смотрели на город, строя планы на следующий день. И все это было родное: и необъятное небо над головами, и горы, как отдельная страна чудес со своими сюрпризами и подарками, и тонкий аромат яблок, который сопровождал повсюду. Андрюхе казалось, что он сам состоит из всего этого, как будто его слепили, взяв понемногу и от неба, от гор, и от яблок. Выдерни его и пересади в немецкую землю, там он и зачахнет, как «декабрист», который взрослые не разрешали трогать, потому что капризный цветок тут же сникал, если его передвигали с места на место.

Мама же всерьез собиралась на родину предков. С тех пор, как они с отцом развелись, эта засевавшая в ее голове мысль неустанно транслировалась миру. Словно было невыносимо жить с бывшим мужем на одном пространстве, пусть и таком огромном, как Казахстан.

Отец, конечно, учудил. Ездил-ездил на вахту, там и подженился. Бабушка, почувствовав неладное, порывалась немедленно мчаться туда. Накрыть гнездо разврата и вернуть домой блудного сына, месяцами пропадавшего на северах. Несмотря на решимость и прыткость, дорога далась бы ей нелегко, поэтому мама отговорила и отправилась сама.

Добравшись через всю страну на перекладных до мужа и оценив обстановку, вернулась она довольно быстро. «А я говорила – не дело это, когда муж и жена порознь, – причитала бабушка, глядя, как невестка собирала вещи детей. – Что ж сдаешься так? Поборись за мужа-то. Эх, надо было мне ехать, я бы пару клоков волос выдрала у стервы этой, разлучницы!» А идти-то и некуда было. Бабушка велела не пороть горячку, а оставаться в мужней квартире, и сыну написала, что пока она жива, не будут ее внуки по углам скитаться из-за того, что развел он шуры-муры на своих вахтах. Много позже отец приходил, предлагал начать все сначала. Андрей втайне гордился мамой – предателей жалеть нельзя, она и не простила. Выглядело это все совсем гнусно – он собирался бросить вторую семью, где один за другим уже появились дети.

Так и остались втроем – мама, Андрей и младший брат Ярослав. Жили в Алма-Ате ровно до тех пор, пока старший не стал отбиваться от рук без отцовского пригляда. Подростковый возраст, дворовая компания, дурманящий цвет яблоневых садов, что простирались от их дома до самых гор. С шестого класса начал попивать дешевый портвейн, покуривать сигареты за гаражами и лихо резаться в карты. Мама строжила как могла, но что ее слова, когда вокруг много тех, чьи истории гораздо интереснее: кто-то отсидел и хвастался наколками, кто-то пел под гитару блатные песни, кто-то сорил деньгами и показывал, как метать нож. Андрей впитывал все это, абсолютно не отделяя плохое от хорошего, принимая жизнь такой как есть: и с мамиными нотациями, и с пацанскими проделками. При этом рос неглупый, читал взахлеб все, что попадалось под руку, благодаря чему имел широкий и обстоятельный кругозор.

Он мог вести долгие, обоюдоинтересные беседы с кем угодно: от трясущихся алкашей, что сшибали копейку у магазина, до бабушкиных соседок, монументальных советских матрон сталинской закалки. Сердце Эллы Георгиевны ликовало, когда он тихо застывал дома с книж-

кой. Но когда за окном раздавался свист, он отбрасывал чтиво и бежал на улицу к своей ватаге – прочь от мудрых, но запылившихся историй навстречу трепещущей и яркой, как огонь, дворовой жизни. Мать увещевала изо всех сил, обращалась, наступив на гордость, к бывшему мужу, который вернулся уже с новой женой и поселился неподалеку. Отец взялся повлиять, даже настучать первенцу по дурной голове, но Андрей без всяких экивоков воспитателя послал. Недалеко. К новым детям. На которых тот его променял.

В один летний день сидел Андрей с книжкой Конан Дойла, читал про пеструю ленту и ухмылялся. Он-то змей не боялся, много их водилось в горах. С улицы раздался крик Ярика:

– Андрюха! Андрюха-а-а!

– Чего? – Андрей высунул из окна свою вихрастую голову.

– Там это... Как их назвать-то... Отцовских детей быют.

Андрей бросил книжку и полетел на улицу.

– Где?

– У первого дома.

И они помчались туда, где жил отец. Издалека слышали крики и плач. Андрей на бегу врезался в плотный кружок и отшвырнул пару человек. В центре на корточках сидели двое мальчишек, прикрывали ладошками головы. Он поднял их – целы, только напуганы, один заливался слезами. Да и не стал бы никто бить такую малышню, просто местные решили заняться воспитанием. Он посмотрел вокруг, стараясь с каждым встретиться глазами, чтобы ясно донести мысль, и сказал:

– Это братья мои.

– Наши, – добавил Ярик, который встал рядом.

– Да мы так, познакомиться, – крикнул кто-то. – Не трогали мы их.

– Ну и хорошо, – сказал Андрей. И они с Яриком повели мальчишек к себе умыться.

По дороге старшие объяснили младшим, что они Юрковские, ветки одного дерева. А раз так, надо держаться вместе.

Пришедшая с работы Элла Георгиевна застала удивительную картину: четыре отпрыска Юрковского пили чай с хлебом, посыпанным сахарным песком. На ее вопросительный взгляд Андрей повторил то, что сказал всем на улице:

– Это братья мои.

– Наши, – снова поправил Ярик.

А вскоре случилось то, что стало последней каплей для маминого терпения. Андрея поймали на воровстве баранок. Налетам шустрых и вечно голодных местных пацанов подвергались и яблоневые сады, где их поджидали заряженные солью ружья, и хлебозавод, на котором работали жители всех близлежащих домов. Оттуда так и манило стащить еще теплую буханку или мягкие сладковатые баранки, чтобы потом, сидя на крыше гаража и болтая ногами, вонзять зубы в хлебный мякиш вприкуску с яблоком и слушать, как внутри плещется кураж.

Сторож, бровастый дедок свирепого вида, схватил его лишь потому, что у Андрюхи выпал из кармана нож, и он замешкался, подбирая свое сокровище. Крепко приложив пару раз по шее, вредный хрыч поволок его прямо домой, втолкнул в дверь, затем бросил на стол вещдок. Мама заметалась по квартире, понимая, что надо дать денег. Не проронив ни слова, сняла золотые сережки и положила рядом с ножом. Плотно сомкнутые губы означали, что говорить ей в этот миг было чрезвычайно нелегко. Она всегда держалась с достоинством, и даже сейчас не позволяла себе разнюниться или закричать в голос. Казалось, попроси он руку или ногу – отрежет и отдаст в ту же минуту, только бы утрясти все без милиции. Сторож качнул головой:

– Убери, Элла, не будь дурой. Увозить надо пацана подальше, иначе плохо кончит.

Посмотрел на прохвоста, который украдкой жевал баранку, вздохнул и вышел.

Мама с прорвавшимися наконец рыданиями принялась остервенело охаживать Андрея полотенцем, схватила даже скалку, но стукнуть не решилась. Он прикрывал лицо руками и думал лишь о том, что ни за что бы его не поймали, если бы не выпавший нож. В голове созрел план мести сволочному сторожу. Забор поджечь! Пусть побеждает, раз такой прыткий.

Ночью он услышал мамины горестные всхлипывания и шепоток, то ли жаловалась кому-то, то ли молилась. Стало совестно. Хотелось как-то успокоить ее, но что тут скажешь? Утром поклялся – никогда больше не станет воровать. Поджог забора пока еще оставался в планах – это же не воровство. Она слушала внимательно, склонив набок голову. «Только бы не плакала», – глядя на опухшее лицо, думал он.

За окном протяжно засвистели – пацаны вызывали к гаражам, им не терпелось узнать, как он выкрутился. Те, кому удалось удрать с хлебозавода, видели, что Андрея сцапали и потащили домой. Притаились до утра, затихли, а с наступлением нового дня замаячили под окнами, шепотом пересказывая детали тем, кто за баранками не ходил.

Мать подняла сухие глаза и сказала решительно, отменяя возможные уговоры и протесты:

– Я созвонилась с бабушкой, ты уезжаешь в Жанатас.

Нож отправился в мусорный бак.

3.

Подкидыш королевской семьи

Ольга всегда считала свою персону чуточку лучше других. Самую малость, но лучше. В детстве воображала себя подкидышем, которого королевская семья оставила на попечение нынешним родителям. Откуда в степях Казахстана могла появиться венценосная чета с оружием – этим вопросом она не задавалась.

Если предки ругали, маленькая Олечка, глотая слезы, думала: «Вот вернутся за мной и покажут вам!» С годами мысль угасла, но сожаление нет-нет да возникало. Ах, как было бы славно, если бы в их обитую коричневым дерматином дверь однажды постучал кто-то и сказал: «Собирайся, дорогая, твое время пришло». В подростковом возрасте, понятное дело, она уже не верила в сказки, но чувство легкого превосходства над другими никуда не исчезло.

Например, едут они в автобусах в пионерский лагерь «Жулдыз» – Олечка занимает лучшее место у окна, чтобы прокатиться с ветерком. Песни поют по дороге, знакомятся. Пока у шлагбаума идет суетливая выгрузка, Оля ускользает от всех и несется к разноцветным домикам. Самая хорошая койка, рядом с откидной отдушиной и подальше от двери, достается ей, потому что она чуточку лучше остальных. Что значит нечестно? Кто успел, тот и съел, шустрее надо ноги передвигать.

Папа звал ее принцессой. В детстве было даже немного жаль его. «Вернутся за мной настоящие родители, как же он без меня?»

Красивый и кудрявый, похожий на киноактера Игоря Костолевского, он приходил с работы, и все вокруг, спокойное и размеренное, менялось. Мама лучисто улыбалась, дома становилось светлее и просторнее, словно в распахнутое окно врывается свежий ветер. Папа намывал руки и утробно вещал из ванной, что сейчас, вот сейчас он выйдет на охоту, ловить маленьких непослушных девочек. Оля и Аня с визгом бежали прятаться. Он долго ходил по квартире, заглядывал везде, даже в выдвижные ящики серванта, но найти их никак не мог. Девчонки переминались с ноги на ногу за шторами и тоненько хихикали в предвкушении. Наконец с победным криком он их обнаруживал, сгребал ручищами и носился по квартире, сшибая стулья. Мама смеялась и ругалась понарошку, что они разнесут весь дом. А девчонки обезьянами висели на его плечах и хохотали до звона в ушах.

Папа умер, когда она училась в пятом классе. В гробу лежал незнакомцем, строгим и некрасивым.

– Такой молодой. Инфаркт. Еще жить бы и жить.

Шепоток за спиной иголкой вонзался Ольге в темечко. Она обернулась, но люди стояли молча с одинаково скорбными лицами. Ей захотелось набрать побольше воздуха и кричать, кричать, кричать, что всех она обменяла бы на него, живого. Стоявшая рядом мама бросила на нее быстрый взгляд и сжала руку, сдерживая готовую вырваться наружу истерику. И Оля покорно сникла.

Новый мамин избранник по имени Сергей, интеллигентного вида дядька с чеховской бородкой, работал на скорой. Просочился он в семью Исаевых, когда Оля училась уже в десятом классе и к появлению отчима отнеслась снисходительно. Мама переключила на него свое внимание, кокетливо смеялась и подкрашивала губы морковного цвета помадой, так что его присутствие было только на руку. Но, к сожалению, счастье длилось недолго.

Скорее всего, дядя Сережа и раньше был не дурак выпить, но умудрился сохранить лицо, пока кружил Надежду Петровну в конфетно-букетном вихре. На цыпочках, как известно, долго

не устоишь, так что постепенно маска добропорядочности с его лица сползла. Он откупоривал бутылку, как только оседала пыль автобуса, на котором Надежда Петровна покидала город ради курсов повышения квалификации. Начинал болтать сам с собой, копошиться в аптечке. Однажды Оля попыталась выяснить, что у него болит, но он спрятал за спиной лекарства и ответил, глядя исподлобья:

– Я тебя не трогаю, и ты меня не трогай.

И захихикал так демонически. По ночам было особенно страшно, когда отчим в одних трусах бродил по квартире и что-то бубнил. Или надолго запирался в ванной – Оля сначала боялась, что он сделает с собой нечто ужасное, потом плюнула. Только к двери подставляла стул, дабы ненароком к ней не забрел.

Перед маминым приездом дядя Сережа брал себя в руки. Брился, мылся, приводил в порядок внешний вид и больную голову.

– Почему ты маме не расскажешь про его выкрутасы, когда она уезжает? – недоумевала Айша.

Оля пожимала плечами.

– Да неплохой в целом мужик. Когда не пьет. Чего ей одной куковать? Я уеду скоро.

Жирной точкой в недоразумении под названием «второй брак Надежды Петровны» стала его поездка на охоту. Дядя Сережа вернулся через несколько дней в три часа ночи, ввалился в квартиру с добычей на плечах и победно кинул на пол. Мама успела отогнуть ковровую дорожку, чтобы та не испачкалась кровью. Выскочившая на шум Оля одеревенела, уткнувшись в несчастные, подернутые мученической пеленой глаза мертвого сайгака.

– Он разве не в Красной книге? – выдохнула она. Никто не услышал. Мама была озабочена, как разобраться со всем этим. Невменяемого уложить в кровать, тушу перетащить на балкон, кровавое пятно на линолеуме замывать.

Отчима отправили спать, Оля легла с мамой. Все стихло. Ночь снова накинула кисею сна на взбудораженные мысли, смежила распахнутые глаза, побаюкала. Спустя время послышался приглушенный звук, будто что-то грузно упало на пол. Оля вынырнула из полудремы, прислушалась. Ничего. Но беспокойство засвербило, не давая отрешиться. Она легонько тронула маму:

– Я слышала что-то странное.

Надежда Петровна заворочалась раздраженно:

– Спи, тебе померещилось.

Но Оля снова ее затретила:

– Сходи, посмотри.

Та поворчала, что нет покоя в этом доме, но встала и отправилась искать источник шума. Нежданный вскрик спугнул тишину, Ольга подскочила. Позже выяснилось, что пьяненький дядя Сережа упал и ударился виском об угол кровати. Мама обнаружила его в расползающейся луже крови. Как сказал примчавшийся на зов коллеги, если бы он пролежал до утра, то не выжил бы. Так Ольга спасла жизнь, которую сам дядя Сережа всю гнал под откос. Хотя больше в тот момент было жалко невезучего, всеми забытого в суматохе сайгака.

Надежда Петровна раненого выходила, затем с учительской скрупулезностью по полочкам разложила ему, почему дальнейшее совместное проживание невозможно. Тот смиренно выслушал и покинул навсегда квартиру Исаевых. После его ухода Надежда Петровна устроила генеральную уборку с целью обнаружения и ликвидации тайников с початыми бутылками.

Оля мысленно подгоняла время, чтобы скорее уехать из этого богом забытого захолустья. Где-то бурлила жизнь, в которой были другие страны и города, концерты и театры, новые люди и впечатления. Там каждый выход на улицу – небольшое волнительное приключение. Здесь же один день похож на другой до нервного тика.

Город торчал унылой бородавкой на щетинистом просторе. Степь только ранней весной могла порадовать живописными пятнами маков, с наступлением лета рыжела, потом и вовсе выгорала. Глазу не за что зацепиться, даже горы невыразительные. Покатые и приземистые, словно нарисованные детской рукой, они торчали нелепыми буграми на фоне низкого неба. Летом – густой зной, в котором легко увязнуть, как мухе в меду. Зимой – бураны, накрывающие город с таким бешенством, словно хотели стереть с лица земли. И ветер, вечный ветер. Казалось, он залетел сюда однажды и остался навсегда. Ольга ругалась с ним по-настоящему, обзывала заразой и сволочью, когда он сминал прическу в воронье гнездо, стоило высунуть нос из подъезда.

Жана-Париж можно было обойти за полдня. Идешь, с кем-то здороваешься, кого-то в упор не замечаешь. В зависимости от настроения. Нет уголка, кроме квартиры, где можно побыть без посторонних глаз. И то, о каком уединении речь, когда живешь с учителем русского языка и литературы!

Ольга слышала разговоры, что в Союзе жизни нет, нужно валить отсюда к чертям, завтра может быть еще хуже, чем вчера.

Так и выходило. Потихоньку «смазывали лыжи» все: русские, греки, немцы. Бросали насиженные места, хорошие квартиры, нормальные зарплаты и уезжали на исторические родины, хотя появились на свет и выросли в Казахстане. Те, кто остались, ворчливо ругали погоду и мирились с ее непредсказуемостью. Шепотом на тесных кухнях ругали власть и мирились с пропажей колбасы. И продолжали жить. Казалось, все образуется. Но тонкий ручеек уезжающих степенных и хозяйственных немцев, говорливых и красивых греков, бесшабашных и веселых русских грозил превратиться в мощный поток.

Оля знала, что дорога ей только в Кузбасс. Там жила родня, да и сестра уже пару лет как обосновалась. Но, как выяснилось, у мамы созрел новый оригинальный план относительно ее будущего.

Наскоро поужинав макаронами по-флотски, Оля позвонила Айше выпытать, кем та хотела стать в детстве. Выяснилось, что вторым Гагариным. Из космического в городе только железная конструкция в виде взлетающих ракет. Это было смешно – где Жанатас и где космос.

Мама оторвала Ольгу от телефона и позвала в зал. В сумрачной комнате бледно мерцал экран телевизора.

Оля зажгла свет и присела на продавленный старенький диван.

– Что показывают?

Надежда Петровна подошла к телевизору и выключила.

«Все, приехали. Кто-то настучал, что я курила», – заколготились в голове мысли.

Мама осталась стоять. Заговорила с апломбом, как и полагается учителю с немалым стажем:

– Ольга, ты заканчиваешь школу. Впереди тебя ждет долгая и насыщенная жизнь. И я не хочу, чтобы ты прозябала здесь.

Оля едва заметно выдохнула. Не про сигареты, и слава богу. Маму накрыл очередной приступ назидания.

– Мы же это обсуждали, я в Краснокузнецк к Аньке.

– Я хочу попросить, чтобы Андрей женился на тебе и увез в Германию, – отчеканила Надежда Петровна.

Потенциальная невеста часто заморгала.

– Какой Андрей?

Мама присела наконец рядом.

– У тебя много знакомых с таким именем собираются за границу?

Ольга потеряла виски, вскинулась:

– Фонпанбек?!

– Да. Если ты не будешь противиться, то когда-нибудь скажешь мне спасибо.

Через распахнутую дверь балкона доносилось стрекотание сверчков, перебиваемое призывами из окон:

– Данияр, домой!

– Максим!

– Аслан, долго тебя ждать?

И в ответ наперебой мальчишеское умоляющее многоголосье:

– Ну, мам!

– Еще пять минут!

– Доиграю, чуть-чуть осталось!

«А мое детство, видимо, закончилось», – пронеслась мысль. Ольга внимательно оглядела комнату и повела носом:

– Мама, ты выпила, что ли?

4.

Скорпионы в банке и Ахматова

От папы у Айши не осталось даже воспоминаний, и этого всегда было жаль. «Замечательный, незаурядный, исключительный», – так рисовали образ те, кому посчастливилось его знать.

Он погиб, когда ей исполнилось три года. Поехал в соседний город с коллегами смотреть футбольный матч. Авария случилась на пустынной дороге где-то посередине пути. Остались черно-белые фотографии похорон, какой-то чудак запечатлел траурную процессию от начала и до конца. На одной из них у гроба сидели трое. Мама в черном платке, со стылым лицом и выпирающим животом – беременная вдова в двадцать четыре года. Бабушка, папина мама, с безжизненным взглядом, будто уже заглянула туда, за поворот, куда ушел единственный сын. И трехлетняя девчонка в светлом платьице со скучающим видом в ожидании, когда уже можно идти играть.

Через пару месяцев после похорон родилась сестренка. Мама рассказывала, что с папой у них имелась шуточная договоренность – девочкам имена дает муж, мальчикам – жена. Папа мечтал о дочках. Так и говорил: «Буду самый счастливый в своем цветнике». Имя Назгуль тоже он заготовил. Нежный цветочек На́зик его и вовсе не застала, но в какой-то мере спасла маму, которая возле гроба упала в обморок. Врач примчавшейся скорой ругался, когда приводил в чувство. «Себя не жалеешь, ребенка пожалей!» Айша ничегошеньки не помнила. Эту историю узнала много позже. Жизнь распорядилась так, что остался цветник Жумабаевых выживать в степном городке самостоятельно, а тот строгий доктор стал позже Олиным отчимом.

Через некоторое время мама снова влюбилась. Как весна, нежно, но властно, заполняет мир после невыносимо долгой зимы, так и новое чувство наполнило ее, подсвечивая каждый жест, каждое слово каким-то удивительным светом. Она вышла замуж, когда Айша уже училась в первом классе. Соседки на лавочке судачили, не особенно понижая голос, что везет некоторым – урвала хитрая татарка красавца, да еще и повесила на него двоих чужих детей.

Дядя Рашид при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж счастливым билетом. К падчерицам относился равнодушно, гораздо больше любил гульбища с приятелями. И животных, поэтому в квартире невзначай появлялись разномастные приبلудыши, которых мама не успевала пристраивать в добрые руки. Однажды на пару недель поселился ежик, жутковато шуршащий по ночам. Но когда в трехлитровой банке отчим принес скорпионов, мама взбунтовалась, так что эти погостевали недолго, всего пару дней.

Частенько Айша, возвращаясь из школы, смотрела на окна и гадала, что там ждет. Снова друзья дяди Рашида сидят в тесной кухне? На самодельных скамейках помещалось сразу пять человек, всего-то надо притащить пару досок и положить на табуреты. На столе – внушительная сковорода жареной картошки с луком. Гвалт и хохот, бренчание гитары. Вокруг плафона струится сизый дым, на балконе скулит очередной щенок. Или дома все-таки мамочка, значит, тихо и спокойно. Уже в подъезде встречает чесночно-мясной запах котлеток, а не дурацких сигарет.

Если дома дядя Рашид с компанией, значит, маму опять задержали в столовой, сестренка у няньки-старушки, что живет в соседнем подъезде. В кухню протиснуться не получится, а если и повезет, то вряд ли там найдется еда. Разве что соскresti со дна сковородки остатки подгоревшей картошки. Следовательно, назвать дядю Рашида большой удачей язык не поверчивался.

Мама выставила его вон, когда Назик подхватила лишай. Так что любителю живности и гулянок рекомендовали найти бродячий цирк и устроиться туда на работу – хоть дрессировщиком, хоть клоуном.

– Зоопарк в квартире, иначе не назовешь, – жаловалась мама соседке тете Марине, которая пришла за солью и осталась на чашку чая.

Айша крутилась рядом. Тотчас представила, где и как разместить животных. На балконе можно держать крохотную лошадку, по утрам расчесывать ей гриву и кормить морковкой. А в ванной – кродила. Только маленького и беззубого, а то покусает. Даже скорпионам нашлось бы местечко. Если за ними следить, то пусть живут. Главное, чтобы не уползли. Иначе придет кирдык, так объяснял дядя Рашид.

– Это же весело, мамочка! В городе нет зоопарка, а у нас будет!

– Так, сколько раз я говорила не встречать, когда взрослые беседуют.

– Коммунистическая партия не позволяет ущемлять детей.

Соседка поперхнулась чаем и закашлялась.

Мама развернула Айшу за плечи и вытолкнула из кухни:

– Через пять минут приду проверить уроки. Если они не сделаны...

– Наступит кирдык!

Тетя Марина странно хрюкнула и уткнулась лицом в рукав. Стоя за закрытой дверью, Айша слышала, как мама шептала сдавленным голосом:

– Газету «Правда» читает, представляешь? Расстелит на паласе и ползает по ней. Оттуда цитаты.

После ухода дяди Рашида зажили спокойно, даже в какой-то мере скучно. Ни патлатых хриплоголосых гитаристов, ни шлепающих ногами по линолеуму ежей, ни синеватой дымки, обнимающей плафон. Теперь по дороге из школы можно было не гадать, что ждет дома.

Мама все также работала поваром. Крахмалила халаты и колпаки, рисовала на глазах длиннющие стрелки и уходила в столовую. Замуж она больше не вышла, так что жил цветник сам по себе, неприхотливой клумбой на степных землях. Со временем образ незадачливого любителя животных в памяти потускнел. Айша повесила в комнате папин портрет в рамочке и по вечерам пересказывала Назику факты его биографии, добавляя с каждым разом все больше красок.

Оранжевый томик Ахматовой она доставала, когда сестренка засыпала. Книга, как по волшебству, распаивалась сама на определенном стихотворении, с головой выдавая, что оно любимое.

«Слава тебе, безысходная боль!

Умер вчера сероглазый король»

Безысходность. Какое страшное слово. Вот что чувствовала мама тогда, у гроба. А в животе, ничего не подозревая, бултыхалась Назик.

– Я жила, как за каменной стеной, – рассказывала мама. – Не знала даже, где платить за квартиру. Навести уют, приготовить вкусный ужин, ждать мужа с работы – так безоблачно протекала семейная жизнь. Когда он погиб, я решила, что мои девочки ни в чем не будут нуждаться.

В самом дальнем уголке сердца Айша хранила малюсенькую тайну. О ней не знал никто. Как и почему возникла теория, что папа жив, она не помнила. Книжки ли были тому виной, бурная ли фантазия – не имело значения. Главное, что жизнь подсвечивалась теплым секретным огоньком, поэтому она не собиралась с этой мыслью расставаться. Папа не умер, просто уехал. Пусть даже бросил, значит, имелись на то причины. Зато он где-то жив и здоров, наверняка имеет семью. Ходит по земле, улыбается и вспоминает свой цветник. Могила на кладбище с безучастным мраморным памятником? Да мало ли, взрослые на многое способны, в детек-

тивах и не такое творят, чтобы замести следы. С этими размышлениями становилось легко. Он есть, не здесь, но где-то абсолютно точно. И может когда-нибудь они встретятся, наступит такой момент. Айша ни словечка не скажет ему в упрек, только обнимет или возьмет за руку, и будет держать долго-долго. Ей никогда не приходило в голову ластиться к дяде Рашиду. Зачем, если есть свой папа?

«Татарская же у нее фамилия, и у меня от мамы татарская кровь. Вот почему стихи так ложатся на сердце». Айша разглядывала профиль Ахматовой на черно-белом рисунке потерянного томика. Вслед за Анной Андреевной и она начала писать стихи в толстую коричневую тетрадь. В школе одно время стали модными анкеты, в которых самый жгучий интерес вызывал ответ на вопрос «Кто тебе нравится?» Все целомудренно писали инициалы, будто так сложно было угадать, кто за ними скрывается. Находились отважные, кто в открытую писал имя и фамилию, как бы сразу заявляя миру: «Вот кто моя симпатия! Мне скрывать нечего!» Год, два, и на смену анкетам пришло увлечение стихами. Тетрадки с поэзией разрисовывали сердечками и цветами, обклеивали вырезками из открыток, показывали другу другу. Айша свою скромную тетрадь не давала никому, только Ольге. Та со свойственной ей горячностью хвалила так бурно, словно лучше стихов никогда и не слышала.

Айша откладывала томик Ахматовой и доставала коричневую тетрадку. «У меня тоже будет муж каменной стеной, как папа. И никогда-никогда никакой безысходности!» Только стихи почему-то чаще всего выходили грустные.

5.

Там, где спят драконы

– То, что ты видишь, это древние горы Каратау.

– Да какие же это горы. Холмы. Вот у нас в Алма-Ате настоящие горы!

В Жанатасе Андрей раньше бывал, приезжал навестить бабушку. Ничем примечательным город ему не запомнился.

Пока добрался, весь измаялся. Он отвоевал у мамы право ехать самостоятельно. Ночная дорога из Алма-Аты показалась ему бесконечной, пристроиться удобно на жестком сидении никак не получалось. За час до прибытия автобус подобрал бородатого парня в брезентовом плаще и высоких сапогах. На самом деле лицо у него было молодое, бороду он словно прилепил. «Отрастил для солидности, чтобы с пацаном не путали», – решил Андрюха. Бородач уселся рядом с ним и по-свойски протянул ладонь:

– Давай знакомиться, я – Михаил.

Он оказался краеведом-любителем, сразу начал рассказывать о горах и петроглифах, древних городищах и археологических находках.

На Андрюшкин выпад о том, что местные горы не идут ни в какое сравнение с алма-атинскими, ответил так:

– Так ты часть только видишь. А если бы сверху посмотрел!

Андрей представил себя беркутом, облетающим горы Каратау. Покружил-покружил бы да унесся все-таки к своим горам. Или к морю. Он на море еще ни разу не бывал.

– Вот есть гора Келиншектау, переводится как гора Невесты. А знаешь, почему?

– На невесту похожа? – предположил Андрей. Он заметил, что и соседи рядом стали прислушиваться к разговору, уж больно интересно рассказывал краевед Миша.

– В одном селе жил да поживал богатый бай. Была у него дочь, красивая, как сама луна, потому и звали ее Айсулу, что означает лунная красавица. Отец очень любил ее и сильно баловал. Посватался к ней жених, отец, как положено, снарядил караван с богатым приданым, где каждый предмет был из золота. Но Айсулу обнаружила среди вещей миску для собаки из серебра и осерчала. Как, мол, так? У такой красавицы, как она, да что-то не золотое, а серебряное!

Половина автобуса дремала, другая половина слушала историю про избалованную байскую дочь. Андрей пожалел, что Михаил не ехал с ними с самой Алма-Аты, тогда бы дорога точно была веселее.

– Рассердился отец, стал проклинать неблагодарную дочь и пожелал ей самой обратиться в золото, раз не мыслила она жизни без него. Тут-то весь караван с приданым и обратился в камень, так и появился горный массив под названием Келиншектау.

– А почему не в золото? – спросил Андрей.

– А золото глубоко внутри скрыто, – подмигнул Михаил. – Иначе от горы бы уже ничего не осталось.

Андрей посмотрел в окно. История не удивила. Девчонки любят побрякушки, все эти сережки, колечки, браслеты. Значит, ничего не меняется в этом мире. И раньше так было, и сейчас.

– А по другой легенде в этих местах жили драконы. Один из них застыл и превратился в гору. Ты спросишь – а где доказательства? А я отвечу. У подножия горы есть наскальные рисунки, на которых изображен... Кто?

– Дракон, – выдохнул Андрей. Эта версия про гору Келиншектау ему понравилась гораздо больше.

– Ну что-то вроде того. Некая рептилия с крыльями, – сказал Михаил. – А самое удивительное в другом. Поговаривают, что драконы до сих пор обитают в горах Каратау. Днем прячутся и вылетают только по ночам.

Андрей снова посмотрел на покатые горы. Теперь уже по-другому. Вот бы увидеть дракона или золото, или все сразу! Вроде и сказка, а вроде и нет. Люди просто так легенды не слагают. Значит, кто-то когда-то точно что-то видел.

Автобус выгрузил их на пустой автостанции. Андрей огляделся – кругом степь, вдали виднелись какие-то строения.

– А Жанатас где? – спросил он Михаила.

– Вон там, – тот показал рукой в сторону, куда уже двинули пассажиры с тюками и чемоданами.

– А почему автостанция так далеко?

– Так строится же город, не успеешь оглянуться, здесь кругом микрорайоны поднимут.

– А водитель не мог нас поближе подвезти?

– Не положено, – усмехнулся Михаил. – Вот есть станция, до нее довозят, с нее увозят.

Интересно, а как мама тащила их с братом, когда привозила к бабушке? Андрей осматривал степь. Как-то не верилось, что тут будут дома. Но Михаил сказал это таким уверенным тоном, что можно было не сомневаться. Жанатас разрастется и до автостанции, и дальше. И, возможно, Андрей будет еще здесь, когда это произойдет.

Вместе они дошли до бабушкиного двора. Тут же откуда-то сверху донесся ее голос:

– Андрюшенька!

Она наверняка все утро не отходила от окна, поджидая его.

– Ну, пока, – Михаил протянул на прощание руку. – А это тебе на память.

Он вытащил из кармана плоский треугольный камень.

– Что это? – спросил Андрей, разглядывая подарок.

– Наконечник стрелы древнего воина. Ты тоже воин, раз один такой большой путь преодолел.

Андрюха зарделся от похвалы. Что касается наконечника, это, конечно, не нож, но тоже занятная вещица. Он до сих пор страдал по сгинувшему сокровищу и поминал сторожа с хлебокомбината нехорошими словами.

– Спасибо!

– Приходи в дом культуры, я там веду краеведческий кружок.

– Приду, – пообещал Андрей.

Он взлетел на четвертый этаж, дверь в квартиру уже была распахнута. Первым делом они заказали переговоры с Алма-Атой, чтобы успокоить маму. Андрей отчитался, что добрался без приключений. Про то, что на одной остановке автобус чуть не укатил без него, когда он курил за туалетом, понятное дело, умолчал.

– Ой, заживем мы с тобой, – улыбалась баба Ната, глядя, как он ест голубцы, щедро поливая сметаной. – Я уж тебе и уголок обустроила, и со школой договорилась.

Бабушка жила одна. Они с дедом были геологами, но, к сожалению, дед умер, когда Андрей только родился. Так что теперь он за хозяина, будет помогать ей коротать старость. Так мама сказала перед отъездом. Всю дорогу он думал. Коротать – это значит укорачивать? Странное выражение. Пусть бабушка живет до ста лет.

– Откормим тебя. Элла говорила, что плохо ешь. В отца своего непутового пошел, не в нашу породу. Мы поесть любим.

Зажужжал дверной звонок и прервал бабушкины речи. Она вышла в коридор и тотчас вернулась.

– Соседская девочка за солью пришла, – объяснила она, насыпая в пиалу соль с горкой. Все банки в бабушкиной кухне, голубые с цветочками, были подписаны с немецкой педантичностью. – А ты иди познакомься. Может, вы в одном классе учиться будете.

Андрей вытер губы. Знакомиться не очень-то и хотелось. Лучше бы пацан какой-нибудь жил по соседству. Но все равно вышел в коридор.

Девчонка паясничала у зеркала, надувая губы и строя сама себе глазки. Заметив его, ойкнула.

– Это Андрей, внук мой. Из Алма-Аты приехал. А это Олечка Исаева. Ее мама учительницей работает, – подоспевшая бабушка вручила ей пиалу.

Андрей кивнул. Девчонка закинула назад длинную челку и кивнула в ответ. На этом знакомство можно было считать законченным.

– Спасибо большое за соль, Наталья Феликсовна.

Бабушка открыла ей дверь и спросила:

– А ты в каком классе учишься, Оля?

– В 7 «В» перешла.

– Как же здорово! И Андрюшу в «В» определили. Значит, вы одноклассники.

Андрей бабушкиного восторга не разделял. Девчонка показалась ему жеманной выпендрежницей. Сразу видно, что из тех, кто вечно хихикает непонятно над чем. Такие еще и плаксы, слова им не скажи, сразу глаза на мокром месте.

– А ты зайди за ним завтра, Оля, да проводи его до школы. Я сама собиралась, но раз такая оказия... – бабушка сияла от того, как ловко все устроилось.

– Не надо, сам дойду, – вспыхнул Андрей. Не хватало еще в первый день заявиться, имея в провожатых эту Олю!

Вредная девчонка широко улыбнулась бабушке и пообещала:

– Обязательно зайду. С Айшой Жумабаевой, вы ее знаете, подруга моя. Вместе доставим вашего внука в школу.

Прекрасно, их еще и двое притащится! Почему в жизни в один день помещается и хорошее, и плохое? Такое славное выдалось утро: Михаил, драконы, наконечник стрелы. И тут эта Оля нарисовалась, не сотрешь... Бабушка по простоте своей душевной не уловила насмешку, а Андрей сразу просек. Доставим, мол, вашего младенчика по назначению.

Когда дверь за ней наконец закрылась, он спросил:

– Зачем ты ее попросила меня проводить? Я вон из Алма-Аты один приехал, значит, и школу найду.

– Так не в провожатых дело, а в друзьях. На новом месте без них-то трудно. А вдруг вы подружитесь? Идем чай пить. Расскажешь новости столичные.

Андрей спорить не стал. Он рассчитывал, что найдутся для дружбы люди поинтереснее, чем эта кривляка с челкой.

6.

Черный человек в темной комнате

Фонпанбек никогда ей не нравился. То есть как человек да, но не как парень. При знакомстве стоял истуканом, еще и хмурился от того, что Наталья Феликсовна попросила проводить его до школы. Как у такой приятной старушки может быть такой противный внук?

Доставив маме соль, Оля кинулась звонить Айше.

– У нас новенький!

– И тебе привет.

– Привет-привет. Новенький у нас. Видела его только что.

– Рассказывай по порядку.

– Соседкин внук. Противный до ужаса.

– Почему противный? Что он сделал?

– Он даже меня не вспомнил.

– А должен был?

– Его мама привозила, когда мы в садик еще ходили, мы с ним даже играли во дворе.

Еще, кажется, братик у него есть.

– Может, он просто забыл? А ты сразу – противный.

– Если я его помню, то как он мог меня забыть?

Олю такой расклад возмущал. Даже где-то фотография черно-белая лежала. Ее папа сфотографировал их вдвоем, сидящих на бортике песочницы.

– Как его зовут? – спросила Айша.

– Андрей. Ты это... Завтра без меня в школу иди, ладно?

– Заболела?

– Непонятно пока, – Оля кашлянула. – До обеда посмотрю на свое состояние.

– Тогда я утром тебе еще позвоню.

– Хорошо.

После Айши она позвонила Наталье Феликсовне и предупредила, что зайдет за Андреем пораньше.

– Чтобы спокойно до школы добраться и успеть еще внутри все показать, – тараторила она в трубку. – Столовую, спортзал, библиотеку.

– В какое время ему быть готовым?

– К часу.

– Заодно и документы его занесете к директору. Я обо всем договорилась, осталось только бумажки сдать.

– Все сделаем, не переживайте.

Утром Оля сказала Айше, что ее состояние не улучшилось. Та расстроилась, что придется целый день одной в школе куковать, обещала вечером зайти.

В 13-00 Оля уже звонила в квартиру на верхнем этаже. Андрей, весь отутюженный и приглаженный, топтался в прихожей. Бабушка, окинув внука взглядом, побежала в ванную, вернулась с мокрыми ладонями и пригласила его вихры.

– А ты насовсем приехал? – спросила Оля, когда они вышли из подъезда.

– Пока не знаю. Может быть, до окончания школы, – ответил Андрей и помахал бабушке, которая выглядывала в окно.

Как только отошли подальше, он снял пионерский галстук и затолкал в «дипломат». Оля удивилась такой смелости. В школе ходить без галстука могли только крутые мальчишки. Если

учителя придирались, они доставали из кармана жеваную алую тряпицу и криво повязывали на шею. Чтобы за первым же углом снова снять.

– Директриса тебя съест, если без галстука придешь.

– Скажу, что дома забыл.

Стало понятно, что этой отговоркой он пользовался давно и успешно.

И повела Оля его по тропинкам Жана-Парижа, попутно рассказывая, где что находится.

– Вот там, видишь, на пригорке, магазин «Овощи-фрукты»? Там вкусный томатный сок продается в трехлитровых банках.

– А вот тут книжный магазин. В третьем классе, когда у Айши день рождения был, мальчишки для нее книг накупили. Я сама видела – она дверь открывает, а они по очереди заходят и каждый книгу в ее руки кладет. Большая стопка получилась. До конца жизни не перечитать.

– Чуть дальше, отсюда не видно, двадцать второй магазин. Его так называют, потому что номер дома такой же. Там «картошка» вкусная. Большая по двадцать две копейки, маленькая по пятнадцать. И мороженое.

Она попыталась выяснить у него, с какой стати он променял Алма-Ату на Жана-Париж, но толкового ответа не добилась. «Так сложились обстоятельства», – с заумным видом ответил Андрей, не замечая при этом, что влага на волосах высохла и несерьезные вихры снова восстали.

Уже поднимаясь на школьное крыльцо, Оля спросила:

– Запомнил дорогу?

Получив утвердительный ответ, она повела его по лестницам и коридорам.

– К директору на перемене пойдем. Сейчас узнаю, какой у нас первый урок.

– А ты не знаешь, что ли?

– Расписание еще «плавает».

Она закинула свою сумку на подоконник, велела Андрею стеречь ее и побежала к учительской. По дороге спросила у девчонок своего возраста, где найти 7 «В».

– Я из 7 «В». У нас история сейчас, в двадцать первом кабинете, – ответила одна из них. – Ты новенькая?

– Нет, брата привела.

Андрей стоял там же, где она его оставила, рассматривал фланирующих туда-сюда школьников. Пробираясь через заторы из мелких пионеров, они добрались до нужного кабинета. Тут как раз грянул звонок.

– Заходи пока, я скоро приду. Тебе же еще учебники надо получить, сейчас разузнаю, – прощепетала Оля. – Давай, давай, историчка не любит, когда опаздывают.

Он пропустил несколько человек и скрылся вслед за ними в классе. Оля улыбнулась. Жаль, что она не увидит его лицо, когда до него дойдет, что это вовсе не его класс. И даже не его школа.

По правде говоря, сосед мало ее интересовал, потому что как раз перед началом учебного года ее настигла первая любовь. Конечно, вниманием она никогда не была обделена, даже в детском саду у нее было два ухажера с одинаковым именем Костик. С одним из них она даже целовалась, спрятавшись за занавеской от воспитательницы. Ну как целовалась, просто щечку подставляла и разрешала приложиться к ней губами. Второй был верным пажом, носил за ней игрушки и убирал тарелку после обеда. Так что один Костик был в милости, второму дозволялось нести шлейф.

Но это все, конечно же, было несерьезно. В августе она сходила на день рождения к старшей двоюродной сестре. Та перешла уже в десятый класс, и гости ее все были такими же взрослыми. Оля стеснялась, практически не ела, смотрела куда-то поверх их голов. Со своими

сверстниками она бы развернулась, а тут – чужая компания, да еще и старше на два года. Целая пропасть между ними.

Они шумели, шутили, обсуждали какие-то только им известные дела, а ей нечем было поддержать беседу. Да никто особо на нее внимания и не обращал – сидит сестренка именинницы, молчит, ну и пусть молчит, когда тут свои девчонки есть, гораздо интереснее малявки. Тетя отсутствовала. Она наготовила всякой всячины и ушла, чтобы не мешать молодежи. А так бы Оля могла и с ней в кухне время скоротать.

Спустя какое-то время, отшумев положенное за столом, все отправились в другую комнату танцевать, потому что в этой все пространство занимал большой стол. Оля тоже поднялась, но застряла в темном коридоре у телефона. Хотелось позвонить Айше. Только она может выслушать и понять.

– Привет.

– Привет! Ну как там?

Дверь комнаты, в которой бушевали танцы, периодически открывалась и закрывалась, кто-то входил, кто-то выходил. Оттуда вырывалась музыка, смешанная со смехом и веселыми выкриками.

– Нормально, – Оля вздохнула. Прижала сильнее трубку к губам и зашептала: – Чувствую себя не в своей тарелке.

– Чего ты? Веселись! Музыку слышу, значит, танцы уже. Иди и покажи им класс.

Легко ей говорить. Посмотрела бы Оля, как скромница Айша тут выживала. Забилась бы где-то с книжкой – никто бы и имени ее не узнал. Олю хоть сестра представила в самом начале, но не факт, что кто-то запомнил, как ее зовут.

Дверь из танцевальной комнаты снова открылась, окатив стоявшую спиной Олю почти осязаемым весельем. Никто и не хватился, что ее нет со всеми. Она стояла в темном уголке, накручивая на палец телефонный провод и радуясь родному голосу в трубке.

– Оля, а ты чего здесь стоишь? – раздался рядом вопрос. – Пойдем танцевать?

Она замерла. Айша тоже его услышала, поэтому торопливо зашептала в трубку:

– Ооо, тебя зовет приятный мужской голос. Все, пока. Потом расскажешь.

Оля положила трубку и посмотрела на того, кто обратил на нее внимание. И даже запомнил имя! В узком коридоре они стояли совсем близко, но полумрак не позволял рассмотреть парня. Дверь комнаты в очередной раз распахнулась, кто-то пронесся между ними и скрылся в туалете. В танцевальной комнате для антуража включили лампу «Салют», поэтому там переливался мягкий свет. Он-то и выпорхнул оттуда, и осветил на секунду лицо того, кому было до Оли дело.

– Идем танцевать, я тебя приглашаю, – снова сказал парень.

– Идем, – ответила Оля, напрягая память. Как же его зовут?

При ее представлении сестра бегло перечислила гостей, куда уж там всех упомянуть. Этого звали то ли Женя, то ли Коля. Ей больше понравился Бекболат, симпатичный большеглазый парень с длинными ресницами, каким позавидовала бы любая девчонка. Он был в белой рубашке с тонким черным галстуком, сидел слева и мило не выговаривал букву Р. Оля его запомнила, потому что со всех сторон стола ему кричали: «Бек! Бека!» А этот то ли Женя, то ли Коля сидел напротив и ничем особенным не выделялся. Вроде тоже шутил, общался, но не запомнился.

«Ладно, – решила Оля. – На безрыбье, как говорится, сойдет». Она даже самой себе не хотела признаваться, как ей польстило внимания взрослого парня, даже перед собой сделала вид, что ничего в этом нет из ряда вон.

Они пошли танцевать. И хотя сердце поначалу трепетало, через пару минут музыка захватила ее настолько, что она позабыла про свое глупое стеснение. Да и никто на нее не глазел,

как ей представлялось, все дурачились, хохотали, пытались подпевать льющим из магнитофона песням.

Когда глубокой ночью гости разошлись, Ольга, которая осталась с ночевкой, принялась убирать со стола. Сестра сидела в кресле и терла сонные глаза. Посмотрела на свою ладонь – на ней осталась размазанная тушь.

– Видишь? – она растопырила испачканные пальцы. – С Женькой не общайся. Он вот такой же черный.

7.

Жареный сазан и думы

Счастливым быть тяжелее, чем несчастным. Когда ты несчастен, то ничего не попишешь, достаешь из своих глубин смирение и сидишь, зная, что рано или поздно это пройдет. А когда ты счастлив, сразу все портит осознание, что рано или поздно это пройдет.

То ли Ахматова так повлияла, то ли собственная суть, только Айша почему-то писала страдательные стихи, даже когда мир вокруг улыбался. В книгах любовь всегда шла рука об руку то с разлукой, то с печалью. Потому и казалось ей, что это чувство пронзительней именно на фоне страданий. И хотя как такового объекта воздыхания не было, это не мешало ей писать грустные стихи, обращенные к кому-то эфемерному.

Андрей появился в классе, когда уже начался второй урок. И не один. Вместе с ним зашел парень в светло-сером костюме и с комсомольским значком на груди.

– Извините, пожалуйста, за вторжение. Новенького привел. Он немного заблудился.

Новенький при этом угрюмо оглядывал класс, остановил взгляд на Ольге и усмехнулся. Айша повернула голову к подруге, та сидела с непроницаемым лицом.

– Как твоя фамилия? – спросила учительница, чтобы свериться с журналом.

– Юрковский. Андрей Юрковский.

– Почему без галстука?

– Дома забыл.

На задней парте первого ряда громко хмыкнул Марат Надиров. Он тоже сидел без галстука.

Учительница выдержала паузу, изучая новенького.

– Проходи, садись на свободное место. Чтобы завтра был с галстуком.

Симпатичный комсомолец не уходил, будто дожидался, когда подопечный найдет себе место, чтобы со спокойной душой его оставить. Айша заметила, что все девочки в поле видимости приосанились. На новенького никто и не смотрел. Его затмил провожатый. Тамарка Каримова, сидевшая за первой партой, даже подперла кулаком подбородок, разглядывая парня. Он явно был не из их школы.

– Извините еще раз, – обратился он к учительнице. – А можно Ольгу Исаеву на пару минут?

Та разрешила. Казалось, она сама попала под его обаяние. Он действительно выглядел так, что хотелось с ним хоть в коридор, хоть в комсомол, хоть в космос. Просто побыть рядом. Улыбчивый, подтянутый, таким, каким и должен быть комсомольский вожак.

Когда Оля и незнакомец вышли, по классу прокатился шепот.

– Кто это?

– Куда он ее забрал?

– Вроде с другой школы.

– Сатпаевский, кажется.

– А чего это сатпаевские к нашим девчонкам ходят?

– Тишина! – учительница, стряхнув с себя наваждение, призвала всех к порядку.

Урок потек своим чередом. Только недоумевающая Айша никак не могла сосредоточиться. Она не могла понять, почему Юрковский пришел так поздно и почему с Женей, который учился в другой школе.

Про самого Женю она уже слышала, поэтому без труда поняла, что это он. После того дня рождения Оле позвонил Бек. Сказал, что хочет познакомиться поближе, расспрашивал, кто из

парней ей понравился тогда, у сестры, а потом неожиданно передал трубку Жене. Оказалось, у того не было дома телефона, потому он и пришел к Беку. Вместе они раздобыли ее номер.

Айша слушала Олю, но даже не представляла, что он такой. Такой непохожий на других. У них тоже учились симпатичные старшеклассники, но дружили они со своими девчонками, семиклассниц считали мелюзгой. Хотя и сами-то далеко не ушли. Иногда устраивали такие гонки по школе, что пыль столбом, только успевай уворачиваться, чтобы не затоптали.

Вернулась Оля. На уроке особо не поболтаешь, потому пришлось ждать перемену. Когда та наконец наступила, они выскочили в коридор первыми и пристроились у подоконника.

– Ну рассказывай.

– Ой, мамочки! Я не ожидала, что он придет.

– Все в шоке. Каримова чуть за вами не побежала от любопытства.

Ольга заулыбалась, довольная, что оказалась в центре события, о котором точно пару дней все будут шушукаться.

По коридору носились те, кому за пять минут перемены хотелось размяться по полной. Шум стоял такой, что говорить приходилось шепотом, склонившись друг к другу, чтобы ничьи уши не приникли к их разговору. Айша периодически оглядывалась, чтобы никто не подслушал.

– А с новеньким что? Как он оказался с Женей? – спросила она, заметив Юрковского, который бродил по коридору и разглядывал стенды, засунув руки в карманы.

– По дороге домой расскажу, – хихикнула Оля. – Надеюсь, он не сдаст меня своей бабушке.

После уроков, когда они пересекали школьный двор по направлению к воротам, их окликнул Андрей.

– Ну хоть дорогу домой покажешь? – спросил он Олю.

Та поджала губы и красноречиво посмотрела на Айшу. Они планировали обсуждать Женю, теперь этот «хвост» привязался.

– Бабушка меня обязательно спросит, как прошел первый день в школе, – намекнул он на возможные репрессии.

– Подожди минуту, – бросила ему Оля и потянула Айшу вперед, нашептывая на ухо: – Давай ему скажем, чтобы за нами шел. Но подальше, чтобы не слышал.

– Нет, – воспротивилась Айша. – Ты и так ему устроила уже сюрприз, хватит над человеком издеваться.

Она сопоставила факты и поняла, почему Андрея привел Женя из школы имени Сатпаева. Ей стало жалко новенького, у которого, кроме бабушки, никого в этом городе не было.

– А как же мы тогда все обсудим? – заныла Оля, бросая испепеляющие взгляды на Юрковского. – Навязался на нашу голову.

– По телефону потом расскажешь.

– Ну и как тебе школа Сатпаева? – тут же не удержалась от ехидства Оля, как только они втроем зашагали в сторону дома.

– Отличная. И люди там хорошие. Даже жаль, что я не туда попал, – уколол в ответ Андрей.

Айша косилась на него. Неужели он ничуть не разозлился? Она бы после такой проделки долго в себя приходила, даже представить страшно. Андрей шел невозмутимый, только вихры смешно подрагивали при ходьбе, как антеннки. Слово за слово, он рассказал, что произошло.

При переключке сразу выяснилось, что такой ученик в классе не значился. Его повели к директору, там и выяснилось, что это школа имени Каныша Сатпаева, а не 60-летия октябрьской революции. Комсорг Женя вызвался доставить его до места.

– Надеюсь, ты ему не сказал, кто тебя туда привел? – поинтересовалась Оля.

– Конечно, сказал.

Она фыркнула.

– А что же ты на табличку не посмотрел, когда вы пришли туда? – спросила Айша. – Над крыльцом же висит, на ней написано, что за школа.

– Думал, что можно доверять людям, – он пинал носком ботинка мелкие камешки, которыми была усеяна дорога, те всеюм разлетались из-под его подошв.

Оля снова фыркнула.

– Зато за один день сразу две школы узнал, да еще и с моим Женей познакомился. О чем говорили, пока шли?

Айша поразилась, как лихо Оля обозначила свои отношения. Пока что, насколько она знала, все сводилось к телефонным разговорам, гулять они не ходили, но Женя уже стал Олиным.

– О тебе говорили, о ком же еще, – ответил ей Андрей и подобрал камешек.

– Серьезно?! – Оля даже остановилась от такой новости.

– Нет, конечно. Будто тем других нет. А где у вас дом культуры?

– Вот он, – Айша указала на здание, мимо которого как раз проходили. – А зачем он тебе?

– На кружок пойду. Краеведческий.

Он рассказал им про Михаила и даже показал наконечник стрелы, который, по его словам, взял в первый школьный день на удачу.

– Не сильно он тебе помог, раз тебя провожала Оля Исаева, – не удержалась Айша.

– Это точно, – улыбнулся Андрей.

– Эй, вы чего? Нормально же все закончилось, – Оля тоже улыбалась, поняв, что Наталье Феликсовне ее точно никто не сдаст.

Айша принялась рассказывать Андрею про город, про школу, про одноклассников и учителей.

– Идемте быстрее, – торопила их Ольга. Она всегда теперь спешила домой, боясь пропустить звонок Жени.

На развилке они попрощались. Айша решила взять шефство над новеньким, поэтому взяла номер его телефона и дала свой, разрешив звонить по любым вопросам. Он подчинился, видно, не очень уповая на свою соседку. Договорились встретиться на следующий день на углу дома и вместе пойти в школу. Оля, судя по выражению лица, была недовольна таким ходом событий.

– Что ты с ним нянчишься? – спросила она, позвонив через десять минут после того, как разошлись по домам.

– А если бы ты вот так одна, в чужом городе?

– Ну раз тебе так хочется, то ладно. Просто теперь и не поговорить толком, если он с нами ходить будет.

– Хотя бы недельку, пусть освоится. А чего ты ему про фотографию не напомнила?

– Забыла, – по ее интонации стало понятно, что Юрковский и все, что с ним связано, занимало ее меньше всего. – Пока, а то вдруг Женя дозвониться не может. Он в школе мне сказал, что гулять сегодня пойдем.

Айша достала из холодильника жареного сазана. Чем хороша рыба, так это тем, что можно ее есть холодной. Картошки, которую мама обычно жарила на гарнир, не осталось. Пока Айша была в школе, Назик ее доела и теперь болтала ногами на табурете, радуясь, что уже дома

не одна. Она знала, что Айша будет выковыривать мелкие кости и подкидывать на ее тарелку безопасные кусочки сазана.

Болтовня сестренки не давала сосредоточиться на событиях прошедшего дня, а так хотелось по крупицам восстановить все слова, взгляды, шаги – и свои, и чужие. Обычно они занимались этим с Олей, заняв телефоны на добрый час-полтора: кто что сказал, как посмотрел, что сделал, кого с кем видели и что это означало. Мама, которая иногда не могла дозвониться, просила подругу с телефонного узла вклиниться в их разговор и разъединить, как это обычно происходило при междугородних переговорах. Пару раз их с Ольгой так и прервали. Что-то щелкало, и незнакомый голос произносил: «Айша, положи трубку, мама не может дозвониться». А потом пришедшая с работы мама сокрушалась, как можно столько болтать и неужели в школе нельзя наговориться. Ей было невдомек, что в школе они проживали жизнь, которую за пределами нужно было непременно обсудить, чтобы ни одно событие не ускользнуло.

Помыв посуду, Айша достала коричневую тетрадь и листочки для черновика. На листочках рождался стих, с пометками и перечеркнутыми строками. В тетрадь переносился тогда, когда полностью удовлетворял.

А вдруг сейчас дверь распахнется,
И ты войдешь и скажешь громко:
«Люблю тебя!» И задохнется,
И сгинет прочь тоска моя.

Перед глазами стоял улыбчивый светловолосый Женя, который прямо сейчас наверняка болтал с Олей.

8.

От Верблюжки до милиции

Андрей на Ольгу не злился. Действительно, в один день побывал в двух школах. Так вышло, что Женя стал первым парнем, с которым они познакомились. Выйдя из школы, Андрей первым делом спросил у него сигарету. Не то чтобы так уж сильно хотелось курить, просто показать, что он не какой-нибудь пай-мальчик, заодно и нового знакомого прощупать. Тот принялся учить его уму-разуму, из чего Андрей сделал вывод, что достался ему в проводники редкостный зануда. Он-то рассчитывал узнать у него, как в целом жизнь пацанская у них тут протекает, но Женя запряг комсомольского конька и поскакал. Может, он тоже был такой же, как все, со своими недостатками и секретами, но перед незнакомцем не стал сбрасывать маску хорошего парня.

Судя по тому, как блеснули его глаза при упоминании Ольги, стало понятно, что у них какие-то шуры-муры. Андрей не вникал. Он просто подмечал разные детали, из которых складывался день.

Добравшись до своего класса, он сразу взял на заметку большого парня, который развалился на задней парте. Тот тоже был без галстука и на уроках подавал реплики сочным басом. Скорее всего, из тех, кто держал школу. В первый день они не пообщались, но все свое время. Андрей запомнил, что того зовут Марат.

По дороге из школы они неплохо пообщались с Айшой. Сразу видно – девчонка хорошая. Такая точно перед зеркалом не вертится и не кривляется. Оставалось загадкой, что ее сблизило с Олей. Но и сюда он тоже вникать не стал. Просто принял как факт. Девчачьи дела, так же, как и дела сердечные, это такие дебри, в которые лучше не соваться.

Дома он расписал бабушке, какая славная у него школа, какой чудесный класс. А уж Оля Исаева – ангел во плоти, все ему показала и рассказала. Выходка ее, пустячная и безобидная, не стоила того, чтобы поднимать сыр-бор. Еще, чего доброго, бабушка пожалуется ее родителям, и прослышет Андрей навеки стукачом.

– В краеведческий кружок хочу записаться, – подытожил он свой рассказ.

– Это же прекрасно! – умилилась бабушка. – Так, глядишь, по нашим с дедом геологическим стопам пойдешь.

Андрей прикинул в уме такую возможность. Почему нет? Он еще не знал, кем хочет стать. Примерял на себя то одну, то другую профессию. Может, действительно, в геологи податься? Не зря же его к камням тянет.

– Поживем – увидим, – сказал он бабушке. Может, и поступит в Германии в геологический институт.

Но в дом культуры он отправился лишь спустя месяц. До того он подбил девчонок отправиться в поход. Во-первых, он скучал по алматинским горам, в Жана-Париже не хватало ему раздолья. Исследовав город вдоль и поперек, захотелось вырваться за его пределы, посмотреть, что там. Во-вторых, горы Каратау с их драконами и золотом не давали ему покоя. Айша с Олей рассказали ему, что недалеко от города есть гора, которая называется Верблюжья, хотя по виду больше смахивает на дракона. Правда, относится ли она к Каратау или просто сама по себе гора, они не знали.

– Надо идти и исследовать ее, – загорелся Андрей.

Оля порывалась взять в поход своего Женю, но он запретил.

– Ты что? Твой комсорг и сам не пойдет, и нас сдаст.

Айша переживала, что не осилит марш-бросок к горе.

– А мы потихоньку пойдем, куда нам торопиться. Зато вы на всю жизнь запомните этот поход!

Так он отмел все возражения и скомандовал готовиться к вылазке. Родителям ничего не говорить, одноклассникам тоже. Первые начнут вставлять палки в колеса, вторые – попытаются стать тем самым пятым колесом в телеге, которое никому не нужно.

Айша и Андрей наплели дома, что идут в поход с классом и учителями. У Ольги этот фокус не прошел бы, мама живо вычислила бы, что куда их класс не собирался. Но тут им повезло – Надежда Петровна уехала в Джамбул на какое-то педагогическое собрание, Оле было велено идти ночевать к тетке. Никуда она не пошла, тетку упросила разрешить остаться у подруги Айши. В результате такой многоходовки в воскресенье рано утром троица выдвинулась в поход.

По трассе идти не решились, чтобы не привлекать не нужное внимание, пошли по степи. Но из виду трассу не упускали, стараясь идти параллельно ей, чтобы не заблудиться. Андрей шагал легко. Он хоть и навьючился рюкзаком, все равно чувствовал в себе невероятную силу, которой хватит и дойти до горы, и на нее взобраться. Из девчонок, конечно, туристы никакие. Шли медленно, в какой-то момент он даже пожалел, что взял их с собой, сам быстрее бы управился. Периодически он давал им передышку, особенно жалея Айшу, которая была из них троих самая неспортивная. Ольга удивила, он ожидал бесконечное нытье, но та шагала бодро и болтала о всякой всячине. Конечно, главной темой был Женя.

– Он хочет стать военным, представляете? После школы поедет поступать в пограничное училище.

Андрей мысленно примерил на себя военную форму. Нет, не пойдет. Его отвращало всякое давление, а в армии все строится на приказах.

– Мы ходили с ним гулять в парк у озера. А еще в кино пойдем, – продолжала хвастаться Оля.

В Жана-Париже туго было с развлечениями. Андрей задумался. Если бы у него появилась девушка, куда бы он ее повел? Про кафе «Арман» и ресторан «Достык» речи быть не могло, школьники туда не ходили, да и взрослые предпочитали есть дома, не желая оставлять там четверть зарплаты. Считалось верхом шика там отужинать. Кино да прогулки – вот и весь арсенал. А если с кем-то прогуляешься один раз, весь город увидит и сразу определит статус парочки. Хорошо, что они в школу и из школы ходили всегда втроем, иначе бы и ему уже приписали кого-то из девчонок в невесты.

– Он иногда звонит мне и на гитаре играет, – Оля все щебетала про своего Женю.

Андрей взглянул на Айшу, надеясь увидеть признаки того, что и ей уже эта тема оскмину набила. Она шла почему-то грустная, думала о чем-то своем.

– Верблюжка! – завопила Оля.

Гора действительно напоминала динозавра, который прилег на брюхо отдохнуть: каменная голова с пиками-шипами, спина с бугристыми боками и зубчатой холкой и пологий скалистый хвост. Андрей пришел в восторг. Не было нужды в натужных допущениях вроде «Ну да, немного похожа, вот тут как будто голова, а тут хвост». Темнеющие на фоне неба очертания не оставляли никаких сомнений, что это застывший в камне дракон.

– Почему вы ее называете Верблюжкой? – спросил он девчонок.

– Не знаю, – ответила Айша. – Кто-то видит в ней всего лишь одного верблюда.

У подножия степь разрезал небольшой ручей, у него и расположились. Андрею не терпелось наверх. Пока девчонки стелили одеяло и доставали еду, он осматривал гору, прикидывая, сколько времени уйдет, чтобы добраться до самой верхней точки. У него подрагивали ноги, так хотелось вскарабкаться по каменным уступам и посмотреть вокруг с высоты. Это, конечно, не алматинский пик, чья снежная макушка теряется где-то далеко в небе, так что осилит он Верблюжку запросто.

– Пойдете со мной? – спросил он, впрочем, заранее зная ответ.

Так и вышло. Девчонок хватило только на то, чтобы добраться сюда, наверх лезть никто не пожелал.

– Тогда я пошел.

– Давай перекусим, потом пойдешь, – сказала Айша.

Он вытряхнул из рюкзака на общий стол пирожки, которые умыкнул у бабушки, схватил один и двинул к горе.

– Мне хватит. Вернусь – поем, – крикнул он, не оборачиваясь.

Горы очищают мысли. Он никогда не мог думать о чем-то плохом, будучи в горах. Неудовимо менялась вся его сущность. Он становился немного первобытнее, что ли. Шаг за шагом, вверх, к приближающемуся небу, по дороге тонко, по-звериному подмечать нужные уступы и с точностью до сантиметра рассчитывать каждое движение. Он сам делался частью горы, ее плотью, оттого и открывала она ему свои секреты. Там блеснет между камней графитовая спинка змеи, тут из трещины, ломающей скальный обломок, выглянет цветок, которого внизу не найдешь.

Горы очищают душу. Он знал многих, кто лез вверх и быстро сдувался, потому что тащил с собой в душе груды камней. А ему с каждым шагом, несмотря на физические усилия, становилось легче. Осознание, что скоро очередная вершина покорится ему, толкало его вперед. Он много читал про знаменитые горы мира, о погибших альпинистах и о тех, кто продолжал идти. Верблюжка – это, конечно, не Эверест, но все же его маленькая личная победа.

На вершине он для начала завопил во все горло, поглазел вокруг, запоминая вид, который останется с ним навсегда. Отдохнул минут десять и принялся спускаться. По дороге собирал цветы. Как награду девчонкам, которые не побоялись идти в поход. Как благодарность за то, что поделили с ним этот путь. Как признание в дружбе, хотя никогда он с девчонками близко и не дружил.

Подходя к их привалу, он разделил букет на две равные части. Девчонки лежали и болтали, при его появлении подскочили.

– Ты чего так долго? – набросилась Оля, но увидела цветы и растаяла.

– Это вам, – вручая букеты, он смутился, хотя всю дорогу идея казалась ему отличной.

Айша тут же побежала к ручью мочить бинт, чтобы обернуть стебли. Вот и пригодилась аптечка, хотя всю дорогу над ней подшучивали, потому что она взяла на всякий случай не только бинт, но и йод, и даже таблетки от поноса.

Андрей поел, немного отдохнул, и они засобирались в обратный путь. Опрометчиво углубились в степь, упустив из виду трассу, которая служила ориентиром. Запутали, каким-то чудом вышли обратно к дороге. Верблюжка помогла, не хотела им зла, не хотела, чтобы вспоминали они ее потом плохими словами.

А на подходе к городу им навстречу выскочил милицейский уазик. Оказалось, что их потеряли. И всему виной Женья с его кипуче-деятельным характером. Он позвонил Оле, никто не ответил. Ему бы успокоиться на этом, но он пошел к ней домой. Дверь тоже никто не открыл. Разговорившись с отзывчивой старушкой по имени Наталья Феликсовна, которая ему повстречалась на выходе из подъезда, узнал, что Олин класс отправился в поход. Удивившись, что Оля ему ничего про это не сказала, он решил разузнать, куда же они направились. У комсорга одной школы есть масса знакомых в других школах. Так что спустя час половина города была в курсе, что трое школьников самовольно ушли неизвестно куда.

– Твоему Жене надо мозги вправить, чтобы не лез куда его не просят, – шипел Андрей Оле на ухо, когда они тряслись в уазике. Он переживал, что бабушка маме в Алма-Ату позвонила и сама уже корвалол пьет.

– Он не виноват, – лепетала перепуганная Оля.

– Ой что будет, что будет, – шептала Айша, сжимая в руках букет горных цветов.

Их привезли в детскую комнату милиции. Там уже ждали бабушка Андрея, мама Айши и тетка Ольги. Молодой, но уже толстый, как Карлсон, милиционер сначала кричал, что всех поставит на учет, потом смягчился и начал выпытывать, кто зачинщик.

– Выбирайте – или всех троих, или кого-то одного, – сказал он.

Андрей открыл рот, собираясь признаться, но неожиданно его опередила Оля. Она шагнула вперед и заявила:

– Это я всех подбила идти в поход.

– Не верьте ей, это я, – опомнился и вставил Андрей.

– Он врёт. Он в город недавно приехал и даже не знал про Верблюжку, – тут же выкрикнула Оля.

Андрея с Айшой выгнали, пригрозив карами в случае повторения. Они остались у входа ждать Олю несмотря на то, что взрослые пытались их увести.

Через полчаса вышла Оля. Рядом шла тетка и ругала ее, обещая все рассказать Надежде Петровне по возвращению.

Айша смотрела на подругу полными слез глазами. Это же невыносимо – попасть на учет в милицию! Андрей, который делал вещи похлеще их невинной вылазки, и то в поле зрения милиции не попадал. А девчонка, которую он считал легкомысленной, получается, из-за него испортила себе жизнь.

– Все нормально, – Оля откинула назад челку. Она храбрилась, но руки все-таки подрагивали. – Он оказался маминым бывшим учеником. Рука у него не поднялась наказать дочку любимой учительницы.

Андрей испытал огромное облегчение, но все же накинулся на нее:

– А если бы он не был учеником твоей матери? Зачем ты наврала, что потащила нас на Верблюжку?

– Нам с ней, – она показала на Айшу, – ничего не было бы. Мы тут давно живем. А ты приезжий.

Наверно, в ту минуту Андрей окончательно понял, что нашел друзей, о которых так мечтала его бабушка. И пусть это две девчонки. Но кто сказал, что с ними нельзя дружить?

Он шел в дом культуры, сжимая в кармане наконечник стрелы, подаренный Михаилом, и представлял, как расскажет ему про поход на Верблюжку. Про милицию тоже расскажет, прошло время, тот эпизод не выглядел уже таким страшным. Краевед, конечно, пожурит, но и точно удивится, что Андрей не сидел сиднем, а уже потихоньку исследовал окрестности. Вместе они увидят еще много интересного, Андрей это чувствовал. А если повезет, то найдут половецкую каменную бабу, Михаил о них тоже рассказывал.

– Я в кружок краеведения, к Михаилу, – немного робея, сообщил он вахтерше, сидевшей за столом в фойе.

Та встала, подошла и почему-то начала поглаживать Андрея по плечу.

– А нету Михаила. Убили его. Зарезали среди бела дня.

9.

Люди как звезды

Оля в мечтах своих, конечно, уже устремилась по жизни за Женей, как жена декабриста. Ей рисовались суровые заставы, затерянные в степи, овчарки, которые никого не подпускают и лишь с ее руки кормятся краюшкой хлеба, простой быт, окрашенный их с Женей любовью. На этом месте настроение портилось, потому что показы мод, о которых она грезилась, там придется делать разве что для престарелых начальственных жен с их жутким перманентом.

Женя звонил каждый день, слушал ее болтовню. Она, чтобы быть ему интересной, рассказывала ему школьные новости, собирая по крохам все, чтобы он не заскучал. Сам он делился своими карьерными планами, которые можно было заключить в два слова «стать генералом». Слушая его, Оле казалось, что вот оно, то самое чувство, сильное и настоящее, которое можно пронести через годы.

После единственной прогулки в парк куда они больше не ходили, просто стояли у подъезда. Зря Оля терзала мамину ленинградскую тушь и наглаживала ужасно мнущееся красное платье в белый горошек. За счет широкого пояса в нем так выгодно подчеркивалась талия, что глаз не отвести. Но Женя приходил, когда становилось темно, руками ее не касался, потому и не мог оценить всю красоту фигуры. Пару раз она предприняла попытку поцеловаться, но он отстранялся. Оля немедленно надулась, но не на него, а на двоюродную сестру – не иначе как та чинила препятствия. Потому что он намекнул, что его попросили держаться от нее подальше.

Но вопреки всем проискам мира они были вместе. По крайней мере, Оля так считала. Она выпросила у него фотографию и носила ее с собой в школу. Там перекладывала из учебника в учебник, чтобы любоваться на уроке. Идет на химию – снимок в учебнике химии, идет на алгебру – он переключивал в учебник алгебры. Так Женя постоянно был с ней, а не только в его редкие визиты.

Один-единственный раз он пришел в школу – тогда, когда привел Фонпанбека. Оля даже подумывала, что бы такое еще устроить, чтобы он снова появился и вызвал ее с урока, но ничего путевого в голову не приходило.

Сам Фонпанбек уже освоился, передружился с мальчишками, стал пропадать с ними. Только в школу и из школы они продолжали ходить втроем. Он рассказал им, что краевед, с которым он познакомился, когда ехал в Жана-Париж, погиб. Позвал их на кладбище. Они и пошли. Развлечений-то никаких, скука. Похороны, как и в любом другом городе, случались постоянно. Раздавалась траурная музыка, все бросали свои дела и бежали к окнам посмотреть, кого хоронят. Особо любопытные даже вниз спускались, не стеснялись заглядывать в гроб и расспрашивать, кто покойник да отчего умер. Оля наблюдала только из окна, еще свежи были в памяти папины похороны, не хотелось быть праздной зевакой на чужих. Айша так и вовсе говорила, что у нее моментально пропадало настроение, стоило раздаваться траурному маршу, звуку которого ни с чем не спутаешь.

На кладбище они пришли пешком. Андрей нес неизвестно где раздобытый букет мелких сиреневых астр. Судя по обломанным стеблям, явно не на базаре купил. Он разузнал заранее, где искать могилу Михаила, поэтому нашли ее без труда. Свежий холмик земли без оградки, обычный деревянный крест с прибитой фотографией, с которой улыбался молодой безбородый мужчина.

– А ты говорил, он с бородой, – шепотом сказала Оля, будто Михаил мог ее услышать.

– Наверно, какое нашли фото, такое и поставили, – хмуро пояснил Андрей.

Он положил на землю цветы, которые нарвал по дороге с клумбы.

– Пусть земля ему будет пухом, – пробормотала Айша, глядя себе под ноги. Чувствовалось, что ей тут неуютно, но она все-таки пошла вместе с ними.

– Почему всякие твари живут, а хороший человек нет? – спросил Андрей.

Никто ему не ответил, потому что никто и не знал ответ. Андрей сжимал в руке наколечник стрелы и как будто еле сдерживал слезы. Оля удивилась – он ведь знал этого Михаила всего ничего, проехали в автобусе недолго. Отчего он так по нему грустит?

– Есть люди как звезды. Вспыхивают в твоей жизни и гаснут, но свет их остается. Словно кем-то предрешиено, чтобы появился в твоей судьбе такой человек, осветил ее и ушел, – говорил Андрей, когда они уже шли с кладбища обратно домой. – Не умею я красиво говорить, но так это чувствую.

– Если он за короткий срок подарил тебе столько света, представь, сколько бы он еще хорошего сделал, если бы остался жив, – с сожалением добавила Айша.

Оля слушала их и теперь понимала, почему Андрей так переживал. Ей даже стало немного грустно, что она не успела познакомиться с этим Михаилом. Но зато у нее был Женя. Он тоже осветил ее жизнь, значит, и он человек-звезда.

– Найти бы тех, кто это сделал...

Эти слова Фонпанбека заставили Олю переглянуться с Айшой.

– Ты что задумал? Мало тебе того случая, когда мы попали в милицию? – напустились они на Андрея.

– Да это я так... Образно...

Он скрежетал зубами, было видно, как сильно гложет его эта несправедливость. Где-то ходят, живут и здравствуют те, по чьей вине хороший человек лежит в земле.

Оля рассказала об этом Жене.

– Наверняка идет следствие, виновных найдут, – сказал он, выслушав историю про их поход на кладбище. – Ты бы поменьше общалась с этим Юрковским, не нравится он мне.

Кому-то другому Оля сразу обрубил бы менторский тон. Что за указания, с кем ей дружить, а с кем нет? Но это был Женя, ее Женя. Поэтому она просто промолчала.

А потом он пропал. Оля маялась от неизвестности, звонила Беку, тот отшучивался, что у Жени много забот и хлопот, и что будущему солдату не до девушек и развлечений. Оля несколько раз сходила к школе имени Сатпаева, караулила у ворот – вдруг появится. Внутри не заходила, гордость не позволяла. Хотела встретить его якобы случайно и спросить, что произошло. Адреса его она не знала, да и заявиться к нему домой не решилась бы. Все та же гордость не дала бы. Точку поставила двоюродная сестра, которая на протяжении месяцев была персоной нон-грата и в детали романа не посвящалась, потому что изначально высказывалась против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.